

«Веденье дневника не требует таланта...»

Ведите дневники,
не будьте простаками.
Равно как рыбаки,
удите дни за днями.

Веденье дневника
не требует таланта,
хотя похоже на
граненье бриллианта...

История души
любого человека
не может жить в глуши
Отечества и века...

На чердаке найдут
и отряхнут от пыли,
прочтут, вздохнут,
замрут и скажут:
«Люди были...»

Павел Вегин

Новая книга Павла Басинского «Посмотрите на меня» возвращает из забвения давнюю историю, которая поразила воображение русской интеллигенции начала XX века.

Ранней осенью 1902 года 28-летняя студентка Сорбонны Елизавета Дьяконова покончила с собой в горах Тироля (Германия), куда заехала к родственникам по пути в Россию на каникулы.

Самоубийство в среде русской молодежи в ту эпоху было обычным явлением. Но ЭТО сразило всех своей эпатажностью: девушка была найдена на уступе водопада совершенно голой, одежда лежала рядом, аккуратно сложенная и перетянутая ремнем. Не оставалось сомнений, что такой акт был заранее обдуман: в день исчезновения Лизы было холодно (+2⁰), а никакая женщина, даже в помрачении рассудка, не станет купаться при такой температуре.

После Лизы остался дневник, который тут же начали сравнивать с дневником Марии Башкирцевой, чему были свои причины. Обе девушки умерли рано (Башкирцева в 24, Дьяконова – в 28 лет), обе жили в Париже (одна почти постоянно, другая – во время учебы), обе были больны (одна чахоткой, другая – психоневрологическими последствиями дурной болезни, переданной ей по наследству отцом, ведущим в юности небезупречный образ жизни). На этом, собственно, сходство кончалось.

Дневник Марии Башкирцевой несколько раз, в начале и конце XX века, пытались сделать предметом культа. В общем-то, не вышло. В нашей библиотеке стоит книжечка с

девятью отметками о выдаче с 1991 года. Это все. Нашлись, конечно, братья и сестры по духу, но немногочисленные, и этому масса причин.

Дневник М. Башкирцевой рисует переживания богатой и самовлюбленной девушки, барыньки, исполненной сословного расизма по отношению ко всем, кто ниже ее по общественному положению. О крестьянской свадьбе, пришедшей к господам под благословение, она пишет: «Эти добрые полу-животные, полу-люди с любопытством рассматривали меня...». И тут же: «Я была очаровательно красива...». Далее следует подробное описание экипировки. Это «очаровательно красива» - навязчивый рефрен всего дневника.

Второй отличительный признак дневника Марии – откровенное западничество: «Я люблю Рим, один только Рим!» Или же: «Вчера я была в отчаянии: мне казалось, что я на всю жизнь заключена в России, это приводило меня в неистовство, я готова была лезть на стену и горько плакала».

Почти всю жизнь Башкирцева провела за границей: Франция, Германия, Италия, обожаемый Рим... В ее дневнике масса имен и ссылок на западноевропейские культурные реалии, на русские – ни одной (поправьте меня, если найдете, но общего фона это не меняет). Как будто не существует ни русских художников, ни писателей. Хотя из-за очень распространенного и очень комфортабельного «заграничного» патриотизма Башкирцева любит напоминать, что она, дескать, русская, православная.

Поклонники ее дневника, к которым, кстати, относится и П. Басинский, любят называть ее «блистательной» и даже «гением». В том, насколько была гениальна М. Башкирцева, может убедиться всякий, кто посетит Русский музей в Санкт-Петербурге. Здесь представлены ее картины: «Осень», «Весна», «Девушка с букетом сирени», «Девочка под зонтиком». Они производят очень милое впечатление. Но это отнюдь не новый путь в искусстве, который и открывает гений. А серия портретов «Три улыбки», представленная тут же, вообще похожа на слащавые рождественские открытки. «Блистательна» же Башкирцева в своей откровенной самовлюбленности: «Когда я умру, прочтут мою жизнь, которую я нахожу очень замечательной (впрочем, иначе и быть не может)».

Героиня книги П. Басинского Лиза Дьяконова и трагичней, и глубже, и смелее в своих суждениях о жизни, смерти, религии, положении женщины в России. Последняя тема особенно ее увлекает. Возможно, поэтому Басинский и называет ее феминисткой. Трудно заподозрить автора книги в незнании определения такого явления как феминизм (общественного движения за равноправие женщин). Тогда как в судьбе Лизы нет ничего, что намекало бы на потребность общественного служения или хотя бы стремления

влиться в какое-нибудь общественное движение. Бунт Лизы носит чисто индивидуалистический характер. Она всегда и всюду одна.

«Посмотрите на меня», - взывает она к миру, но сама даже не пытается взглянуть на людей, с которыми сводит ее жизнь. Четыре года Лиза воюет с матерью за право учиться на Бестужевских курсах, воюет до ненависти, но... нет ни одной записи в ее дневнике, где бы нашла отражение хоть слабая попытка поговорить с матерью по душам. Ведь в конечном итоге мать дала разрешение, когда за Лизу по-человечески, по-доброму вступился один из преподавателей. Значит, была возможность достучаться до материнского сердца! Или возьмем историю с сестрой Валею. Цель жизни этой девушки была проста: выйти замуж по любви, что она и сделала. Но Лиза упорно тянула ее за собой на курсы, не понимая ни характера, ни потребностей сестры, и тем отдаляя ее от себя.

Жизнь очень скоро повернулась к Лизе неприятной стороной: учеба на курсах не принесла ей ожидаемой радости. Сказалась болезнь, унаследованная от отца, которая выражалась в невозможности сосредоточиться. Чтение и учеба вообще давались Лизе с большим трудом. Тем не менее, окончив курсы и получив возможность работать в системе образования, она высокомерно отвергает такой вариант судьбы и снова едет ... учиться (при ее дислексии) в Париж, в Сорбонну, на юриста. И начинается... Вместо учебы – болезнь, визиты к психиатру, в которого Лиза немедленно влюбляется, а там и походы по магазинам, светские развлечения. Героиня дневника плавно преобразуется в вариант Марии Башкирцевой («Я выглядела очаровательно...»). Тон дневника становится пустым, слащавым, сентиментальным и в конечном итоге пошлым. Теперь записи называются «Дневник русской женщины». Но попытка Лизы испытать свои силы в литературном творчестве несравнима с художественными опытами Башкирцевой: в них талант все же присутствует. Если первую (до Парижа) половину дневника читаешь с увлечением, «Дневник русской женщины» превращается в принудительное чтение.

Лизу бесконечно жаль. Ее судьба несет в себе горький, но убедительный урок: прежде чем просить у людей внимания к себе, будь сам внимателен к людям, пойми их, тогда и тебя кто-то поймет. И в который раз подтверждается истина, что без ясно осознанного общественного служения человек обречен на постоянные и бесплодные блуждания по пустыне собственного эгоизма.

С помощью Павла Басинского Лиза Дьяконова вторично заставила посмотреть на себя. Надолго ли? Честно сказать, в доме держать эту книгу не хочется.

В.Н. Тумарь